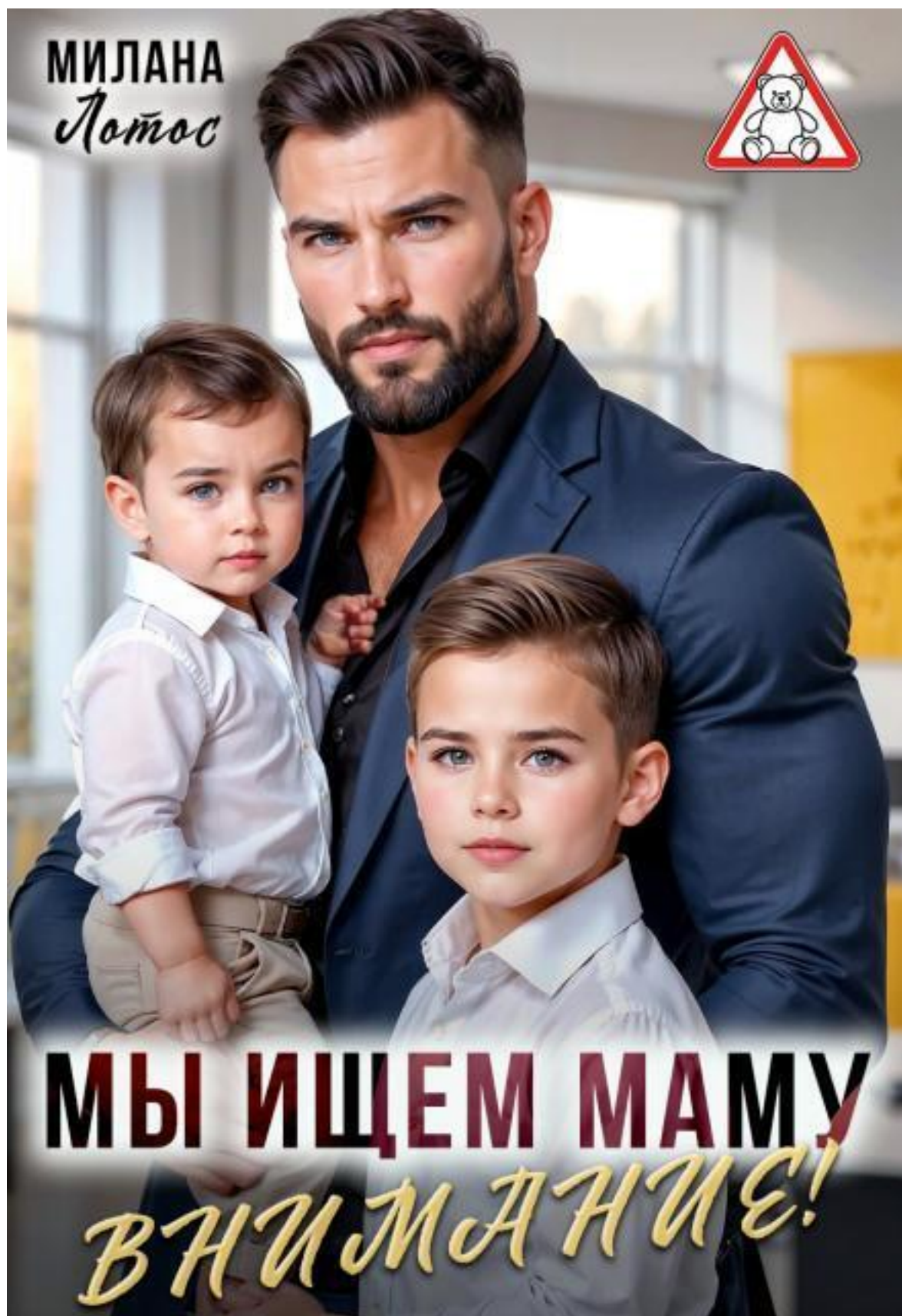

МИЛАНА
Лотос

МЫ ИЩЕМ МАМУ
ВНИМАНИЕ!

Милана Лотос

Внимание! Мы ищем маму

«Литнет»

2025

Лотос М.

Внимание! Мы ищем маму / М. Лотос — «Литнет», 2025

– Давно ворует? - спрашиваю сына, стараясь не психовать.– Не очень,
- бурчит Стёпка, то ли всхлипывая, то ли огрызаясь, - когда денег стало не хватать, мы с Тёмычем стали ходить... в общем... подворовывать.–
Подволоывать, - повторяет за ним маленький Артёмка и смотрит мне в глаза в ожидании одобрения.– Тёма, - нагибаюсь и смотрю в лицо пацаненка,
- воровать плохо, поэтому вы больше этим не занимаетесь. Понял меня?
Если бы несколько дней назад мне сказали, что у меня есть шестилетний сын и он живет в деревне с бабушкой и дедом, я бы не поверил. И это еще меньшее из зол. А то, что мой сын малолетний преступник, вот это... уже катастрофа. Ну я тоже не пальцем деланный, возьмусь за воспитание отпрыска, а может и двух... как вести себя будут! И мы еще посмотрим, кто из нас... выживет. НЕ ЗАБУДЬТЕ ДОБАВИТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ И ПОСТАВИТЬ ★АВТОРУ ОЧЕНЬ ЦЕННА ВАША ПОДДЕРЖКА! Книга выходит в рамках литмоба “Папа может все”.

© Лотос М., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

1.	5
2.	7
Визуал	9
3.	10
4.	12
5.	14
Визуализация 2	16
6.	17
7.	19
8.	21
9.	24
10.	27
11.	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

1.

– Дядь, а дядь, дай ублик на хлебушек, - слышу детский голосок через открытое окно своей машины. Поворачиваю голову и вижу маленького пацанёнка. Волосы взъерошены, лицо чумазое, вся одежда чем-то измазана. Но сам он такой по-детски милый, что хочется прижать к себе.

– Ты кто такой? - удивленно смотрю на мальчонку и машинально шарю по сидению, чтобы найти кошелек.

– А ты кто такой? - Спрашивает мальчонка и склоняет голову к плечу. Протягивает ручонку. - Ну так дашь ублик или жадина?

– На, бери сотню, - протягиваю ему бумажку, но не отпускаю. Мальчик тоже держит и смотрит на меня своими глазенками и улыбается.

– Отдайте позалуйста.

– Так ты знаешь волшебное слово? - удивленно смотрю на несмышлениша.

Мой, наверно повзрослее будет. Стёпка-то.

– Баба научила.

– Ясно. Бери сотню и купи себе конфет.

– Спасибо, дядь.

Мальчонка сгребает бумажку и бежит босиком через дорогу, за угол. А дальше пропадает из виду.

Я хмыкаю и сажусь ровно. Смотрю в письме от бывшего тестя адрес и поворачиваю голову на ближайший дом, чтобы увидеть, правильно ли я свернул? На ту ли улицу?

В этой деревне я не был около семи лет и совершенно все забыл.

Взгляд падает на сиденье, на котором лежал кошелек. Вот именно... лежал. Пару минут назад лежал с деньгами, кредитными картами и фотографией. Дорогой сердцу фотокарточкой погибшей собаки.

А сейчас кошелек нет. И дверь пассажирская приоткрыта.

– Твою ж мать, а! - Вспыхиваю в сердцах и ударяю ладонью по коленке. - Ну надо же так лохануться. А!

Качаю отчаянно головой и выхожу из машины. Смотрю по сторонам и понимаю, что мальчонки и след простыл. А его подельника и тем более.

Похоже, я остался без денег. Надо срочно блокировать карточки. Но в этом забытом богом месте интернет не работает, а телефон банка я не знаю.

– Так, спокойно, Андрюха, - я выдыхаю и сажусь обратно в машину. Набираю своей помощнице Аннушке. Хорошая девушка, деловая, знающая, опытная... хм... вот здесь я пас.

– Анют, это я.

– Андрей Витальевич, что-то случилось?

– Заблокируй все мои карточки. Быстро. Похоже, меня обокрали.

– Ох, как же так? - вздыхает девушка, и я понимаю, что она действительно расстроена.

И мне от этого легче не становится, - это где же?

– В деревне. Моей родной деревне, где я родился и вырос.

– Поняла. Сейчас все сделаю.

– Спасибо, Анют.

Я кладу трубку и радуюсь тому, что телефон хотя бы при мне. Кошелек жалко только. Дорогой эксклюзивный подарок от друга. Похоже, о нем тоже можно забыть. Или, быть может, к местному участковому обратиться?

Мысль, конечно, дельная. Возможно, я так и сделаю, но позже.

А пока... мне нужно к бывшему тестю за своим сыном. Да-да-да. Если бы несколько дней назад мне сказали, что у меня есть шестилетний сын и он живет в деревне с бабушкой и дедом, я бы не поверил. Какой, на хер сын? Вы же там все с ума сдурели?

Я не готов. Нет, вот точно, сейчас вот вообще не вовремя.

У меня проекты, девушка новая, квартира, за которую еще ипотеку платить и платить. Дети, это вот вообще не мое. Я еще слишком молод. Да, блин, ребят, харэ прикалываться.

Вот такие у меня были мысли, когда я получил письмо от бывшего тестя. Реальное письмо. Бумажное, написанное от руки с индексом и всеми приблудами. Если честно, не знал, что такие еще существуют. Прямо, что-то повеяло голубиной почтой.

– Итак, мне нужна улица Запрудная, 57, - сказал я себе и посмотрел на близлежащие дома. Присвистнул от досады, потому что понял, дом под номер 57 находится в конце улицы, и мне туда еще пилить и пилить. А точнее, ехать.

Остановился я у старенького, страшенького дома, в котором, по моим сведениям, жил мой сын вместе с дедом и бабушкой. Машка сбежала, дрянь такая, другого слова не подберу и о сыне забыла. Кукушка, ёпта. Если увижу в городе, на грелку порву. Ей-богу, оставить родного сына ради какого-то ёбаря трахаря. Ну, такое себе. Даже я себе такого не позволил бы.

Если честно, я вообще узнал о сыне несколько дней назад, а до этого шесть лет жил в неведении.

Я открыл ногой расшатавшуюся калитку согнувшегося до земли забора и недовольно хмыкнул. Уж дед, мог бы и починить. Выглядит убого. Посмотрел на нее со всех сторон и пнул развалюху. Она окончательно развалилась.

А я ко всему прочему запнулся и чуть не прорыл носом землю.

– Да гребаный Экибастуз!

Сразу захотелось взять молоток, гвозди и отремонтировать калитку. Мой злостный внутренний перфекционист любил, когда все было красиво, правильно и чисто. Забор должен быть новый, а лучше алюминиевый. Дом хоть и старый, но без щелей и оторвавшегося шифера.

Так, ладно. Это не моего ума дела. Я приехал за сыном. Заберу его и тотчас же уеду. А с домом и калиткой сами разбирайтесь.

Я дошел до двери и постучался.

Ждать пришлось недолго. Услышав шаркающие шаги, понял, что это тесть. Дверь открылась, и я увидел его. Отца моей бывшей женушки, с которой мы прожили без малого год. А потом она мне изменила, и мы развелись. И вот сейчас, оказывается, у меня есть сын. Хотя у меня большие сомнения, что он мой.

– Андрей, дорогой мой. Приехал, таки? - обрадовался мой тесть и полез обниматься. Хороший был мужик, а вот дочь нормальную не воспитал.

– Приехал, куда бы я делся, - осматриваюсь по сторонам, - и... где мой сын?

– Проходи, проходи. В гостиной он, - промямлил дед остатками зубов, и я понял, что Михалыч оказывается очень старый или... больной. - Стёпа-а-а-а!

Послышались шаги и из гостиной показалась... знакомая мордочка того самого мальчика.

– Бублик. Это ты? - недовольно спросил, глядя на мелкого воришку и показывая ему кулак.

– Не бублик, а ублик, - хмыкнул мальчишка и, подбежав ко мне, схватился за мою ногу. Повис на брючине и закричал. - Папка плиехал!

2.

– Это не твой папка, - слышу суровый голос мальчугана, который показывается из гостиной. Выглядит лет на шесть, и я понимаю, что это наверно он и есть. Мой сын — Степан.

– Мой папка! Мой, - нежным голоском пищит мальчишечка и смотрит на меня такими глазенками, что я сразу вспоминаю своего щенка.

Его убила какая-то тварь на машине. Просто переехала его, когда он случайно выбежал на дорогу. Водила даже не остановилась, а у меня сердце чуть не остановилось.

– Твой папка, забулдыга неотесанный, который чуть нашу мамку не прихлопнул, - продолжает гнуть Степан, и я замираю от его слов. А потом поднимаю кроху на руки и прижимаю к себе. Смотрю в сторону сына и качаю отрицательно головой.

– Цыц, - качаю пальцем в сторону сына и хмурю брови, чтобы стало страшно. Вот только этого пацаненка этим явно не испугать. Я его еще совсем не знаю, но чувствую, мне с ним придется несладко. Вот характер-то! Тяжелый. Явно мой. Такой же упрямый и несговорчивый. - Тебя как звать-то?

Обращаюсь к мальчонке, который прижался ко мне, что не оторвать.

– Алтёмкой дед зовет и бабка. Тёмычем называет Стёпка. Мама... звала Тёмочкой.

– Артём значит. Будем знакомы, - протягиваю ему руку, - а меня Андрей Игнатьевич.

– Значит, ты мой папа Андлей? - недоверчиво спрашивает и косится на меня. Поглядывает на недовольного брата, подпирающего стену.

– Хм... ну не знаю. Наверно, - пожимаю плечами и смотрю на старых тестя и тещу. Я-то знаю, что Артем не мой сын. Я вроде как только за Степаном приехал. И разбивать детское сердце совсем не входило в мои планы. Я вообще очень сердобольный. Жалко всех. Детей, животных. Вот только людей не люблю. Взрослых.

– Проходи, Андрей, проходи милок, - вдруг говорит проснувшаяся ото сна теща, и я улыбаюсь ей. Добрая женщина, хорошая теща у меня была, в отличие от непутевой кукушки жены. Вот говорят, что от осинки не родятся апельсинки, а тут, похоже, родился. Целый грейпфрут, горький и отвратительный. Это я про Машку, что уехала и бросила сыновей на родителей и не подумала о том, как мальчишкам будет одним без нее.

Видно же, что скучают.

У Артемки слезы на глазах при словах у матери, у Степана - злоба и отрицание. Он сейчас, скорее всего, ненавидит свою мать, хотя в глубине души отдал бы все свои игрушки ради того, чтобы мать вернулась.

– Спасибо, Катерина Пална, - киваю я в сторону тещи, - я пойду, наверно, сначала со Стёпкой поговорю.

– А я тебе не прокурор, чтобы с тобой разговаривать, - бросает мне сын и отворачивается, чтобы уйти в гостиную.

Похоже, я в немилости. Вот только, что я сделал?

Я иду за сыном и понимаю, что комнаты проходные и он прямиком ведет меня в детскую комнату. Дверь не успевает захлопнуться, как я вставляю ногу в щель и открываю ее.

– Ну чего ты насупился-то? Я тебе..., - стараюсь отодвинуть от своего лица маленького Тёму, который пытается засунуть свои пальчики мне в нос, - то есть вам подарки привез.

– Не нужны нам твои подарки, - агрессивно кидает мне в лицо Степан, - убирайся туда, откуда приехал.

И тут я вижу на его кровати знакомый кошелек. Из черной кожи с отделкой и двумя буквами, моими инициалами, выбитыми на замке. Земля уходит из-под ног, но я тут же беру себя в руки и спускаю на пол Артема.

– Ничего не хотите мне сказать? - Сурово спрашиваю и делаю шаг в сторону кровати. Киваю на кошелек.

– Чего? - непонимающе восклицает Степан и смотрит на кровать. А потом вдруг щеки его вспыхивают, и он начинает быстро хлопать ресницами. М-да, сейчас он очень похож на свою мамашу. Та тоже, сразу краснела, если оказывалась виноватой.

– Того. Откуда у тебя мой кошелек?

– Не знаю. Это не мое, - сразу же пошел в отрицание и закачал головой.

– Посмотрим, проверим, - все так же серьезно реагирую я и хватаю сына за шкуру. - Полиция во всем разберется. Да, Тём?

– Да, папочка, - улыбается мальчонка, явно ничего не понимая.

А вот я понимаю. Степа по ходу боится только ментов и больше никого. Значит, будем действовать таким старым, но проверенным способом. Благо у меня есть хорошие контакты в полиции. Столичной полиции, а не деревенской. Но, об этом знаю, только я.

– Они ничего не докажут, - рыпается мой сын. Характер у него суровый, как у меня. Будет стоять до последнего, доказывая свою правоту.

– Посмотрим, - хмыкаю и чешу подбородок, - на нем наверняка остались твои пальчики, когда ты вытаскивал этот кошелек из моей машины. Как думаешь?

– Не знаю, - бурчит себе под нос Степка, опустив глаза, - наверно.

– Давно ворует?

– Не очень, - продолжает бурчать сын, - когда денег стало не хватать, мы с Тёмычем стали ходить... в общем... подворовывать.

– Подволовывать, - повторяет за ним Артемка и смотрит мне в глаза в ожидании одобрения.

– Тёма, - нагибаюсь и смотрю в лицо пацаненка, - воровать плохо, поэтому вы больше этим не занимаетесь. Понял меня?

– Понял, папка, - обнимает за шею, и я весь растекаюсь от неожиданной ласки. Не думал, что так может быть. Я вновь поднимаюсь и вновь с мальчишкой на шее.

– Показывай все, что наворовали! - резко говорю своему сыну, которого даже ни разу еще не обнял. А вместо этого устроил нагоняй.

Сын подходит к кровати и опускается на колени. А затем вытаскивает коробку, в которой лежит пара кошельков. Немного, но даже один ворованный кошелек - уже много.

– Хороший улов. Это всё?

Тот кивает.

– Бери коробку и иди за мной, - произношу голосом, не терпящим возражений.

– Куда, пап? - слышу голос сына, который назвал меня отцом. Сердце замирает и глаза щиплет от подступающих слез. Я выдыхаю и поворачиваюсь.

– Идем к участковому, сдаваться.

Визуал

Друзья мои, добро пожаловать в новую историю любви нашего одинокого папы.

Ему точно понадобится удача, чтобы найти достойную маму для своих двух сыновей.

А еще ему точно пригодится ваша поддержка и комментарии.

Ну и не забывайте ставить звезды и сердечки истории.

Так эту книгу увидит больше людей и о нашем Андрее Проскурове узнает больше народу.

Итак, наш герой, Андрей Игнатьевич Проскусов, 35 лет. Холост.

Бывший мент, сейчас бизнесмен. Работает в своей охранной фирме.

Его помощница, Аня, 25 лет. Строит на своего босса большие планы.

Однако, Андрей, совсем не замечает ее.

А вот еще один наш герой, а точнее героиня.

Как вы думаете кто она такая?

Жду ваши комментарии имя девушки и кем она работает?

Кто угадает, как ее зовут, получит промокод на любую мою книгу.

Если вам нравится визуализация героев, напишите об этом в комментариях.

Мне будет приятно.

А еще ваши лайки, добавления в библиотеку и подписка на автора сделает его по-настоящему счастливым.

3.

– К участковому? - спрашивает сын, и я вижу, как кровь отливает от его лица. Он становится белый как мел. Губы дрожат, под носом намокло. Остались лишь глаза, крупные, красивые, как у матери. Машка и правда была красивой девахой, жаль, что оторвой осталась. Я, когда узнал об этом, сразу же все контакты прервал. И, естественно, не знал, о том, что она забеременела и родила сына.

Ни одна живая душа ничего не сказала. Ни одна... Ничего... Если бы я только знал.

– Может, не надо, - прошептал Степка и поднял на меня свои большие глазки.

Испугался малой. Видимо, до сегодняшнего дня их подворовывание прокатывало. Хотя в деревне, наверняка бы уже нашли воришку. Вот это и странно. Может, участковый выпивоха какой?

Узнаю. Проверю. А пока. Все же надо преподать урок малому. Слова обычно не действуют. Нужны действия.

Вот меня, как батя отучал сигареты курить. Пачку дал целую. На, говорит, кури. Всю сразу. Ну я и я взял. Раз дают, бери, бьют - беги. Также учили. А потом кашлял полдня, живот болел и голова. В общем, чуть не помер. Больше не курю.

Действия. Не слова!

– Надо, Стёпа, надо, - беру его за руку. Коробку с кошельками засовываю подмышку и вывожу из комнаты. Сын не сопротивляется. Видимо, понимает, что виноват. Это ему объяснять не надо, хоть и шестилетний, но бабка с дедом и мать что-то да вбили в его голову.

Проверим.

– Андрюш, вы это куда? - слышу голос тёщи, а потом вижу, как она выходит из кухни, вытирая руки о фартук.

– Сдаваться идем. К ментам, - сурово произношу, чтобы Степка осознал свой поступок и его последствия.

– Как к ментам? К участковому что ли? К Пашке Сидорову?

– Наверно, - пожимаю плечами, - участок все там же, за магазином?

– Да куда ж ему деться-то? Там же. А может, не надо, Андрюш? - уговаривает меня тёща. - Сами как-нибудь разберемся.

– Доразбирались. Мальчишка шесть лет тащит кошельки у прохожих и думает, что это нормально.

– Пап, ну, пожалуйста, - хнычет Степка, - я больше не буду.

– Знаю, что не будешь. Потому что я тебе не дам этого сделать.

– А можно мне тозе? С вами? - спрашивает Артёмка, и я киваю. Поднимаю его на руки, и мы выходим из дома.

Я осматриваюсь и понимаю, что до магазина рукой подать, а там и участок. Идем пешком, на машине ехать не варик. Вокруг меня старые деревянные домики, замшелые пятиэтажки. Раздолбанная дорога, где ездит такие же копейки и шестерки. В общем, вид унылый.

Я иду впереди с Темой и коробкой. Степан за мной плетется. Голову опустил, ногой что-то пинает. Камни, траву. Злится, больше не плачет.

Думаю, бабка с дедом знали про его дурную привычку, но ничего не делали, потому что не знали, что делать. А я знаю. Сам какое-то время служил в ментовке и понимаю, что надо истреблять все это на корню.

Мы подходим к магазину, и я вижу выходящих людей, которые зарятся на меня, словно я инопланетянин.

Я городской, одет с иголочки в дорогой костюм, он меня пахнет нишевой парфюмированной водой, на руках элитные часы. Я точно не похож на тех, кто живет в этой деревне. Это нас и отличает.

Когда-то, бросив все, я уехал в город и ни разу не пожалел. И сейчас не собираюсь здесь надолго оставаться. Улажу все вопросы с сыном и свалю. У меня в городе, квартира, свой бизнес. Да и Степке будет лучше в городе, чем в Богом забытой деревне. Устрою его в хорошую частную школу, кружки там всякие, секции. На единоборства у меня пойдет. Я из него настоящего мужика сделаю.

– Пап, а пап, - слышу голос мелкого Темы, который щипает мою бороду, и ему это доставляет истинное удовольствие.

– Чего, Тём?

– Я есть хочу, - шепчет мелюзга и утыкается носом мне в щеку. От такой милоты я сама таю и расплываюсь в улыбке.

– А тебя бабушка, что не накормила?

– Еды мало, - слышу за спиной голос сына, - у них пенсия только через неделю, поэтому мы сейчас едим редко.

– В смысле, блядь, редко? - срываюсь я и тут же затыкаюсь, видя испуганное лицо Темы.

– Точнее, мало, - пожимает плечами Степан и чешет репу, - на огороде растет только хрен да щавель. Сил у бабки с дедом нет, вот они ничего и сажают. Мамка алименты не платит. Ты... эм... тоже.

Я? Тоже?

Внутри все переворачивается, и я морщусь от неприятного ощущения на языке.

Да, я узнал о Степке несколько дней назад. Какие алименты, люди, але! Хотя если бы знал, то платил, а может, сразу забрал себе.

А теперь вот вообще непонятно, чего делать? Опекунство оформлять или усыновлять надо? Я вот в этом просто дуб дубом.

Делаю себе зарубку, связаться с юристами компании, чтобы они пробили этот вопрос.

– Мы с этим потом разберемся, кто кому и чего должен платить, а сейчас...

– Па-а-а-ап, - слышу протяжное от Темы.

– Да, малыш, - машинально целую его в щеку и замираю. Странное ощущение, вроде приятное и в то же время необычное. Тема вот вообще не мой сын, так может, и не стоит привязываться. Я же через несколько дней уеду со Степкой и забуду о Теме. Надо наверно, и правда уменьшить свой пыл. Я снимаю пацаненка с рук и ставлю на землю.

Но Тема держит меня за шею и не отпускает.

– Я есть хочу.

– Да я понял, понял, - осматриваюсь по сторонам в поисках какой-нибудь шаурмичной или куриц гриль. Чего-нибудь, чем можно накормить ребенка. И нахожу.

“Шашлык, лепешки тандыр, пончики”.

– По-моему, это то, что надо, - улыбаюсь мальчишкам и уверенно иду в сторону старого ржавого ларька, - сейчас пообедаем.

4.

– Ну ты будешь брать или нет? - слышу недовольный голос продавца с выраженным кавказским акцентом. - Стоишь, выбираешь, выбираешь. Ломаешься, словно девочка-целочка.

– Рот закрой! - рявкнул я. - Не видишь дети рядом со мной.

– Машкины, что ли? - хмыкает толстый круглый как беляш продавец и ухмыляется. - Они и не такое слышали. Да, Стёп?

Смотрит на моего сына своими маленькими глазками и протягивает ему свою жирную лапу. Тот уверенно тянет в ответ. И вообще, выпрямляет спину, и глаза вдруг начинают блестеть. Похоже, хорошие знакомые.

Я встаю между ними и вдруг понимаю, что ничего не хочу брать из того, что здесь продается.

– Мы что не будем есть? - спрашивает Степан и смотрит на меня, потом на кавказской крови продавца.

– Нет. Здесь мы точно есть не будем. Надо поискать что-то попрличнее.

– Попрличнее? - рявкает продавец, - да что ты понимаешь, э? У меня вся деревня кормится и еще ни разу не было, чтобы кто-то чего-то.

– Деда ласкал, что он купил у вас цебулек, а потом всю ночь с голшка не вставал, - встрял вдруг Тёма, и я улыбнулся.

– Устами младенца глаголит истина, - пожимаю плечами и отворачиваюсь.

– Ну и проваливайте, - недовольно бурчит и машет рукой.

Взгляды и перешептывания прохожих делают свое дело, и я понимаю, что не туда забрел с мелкими. Мой желудок, конечно, не китайский, но переварит все, что только можно. А вот экспериментировать на мелких мне бы не хотелось.

Поэтому я отхожу от поношенного жизнью ларька и тяну за собой сына.

– Идем Степан, чем быстрее мы попадем к участковому, тем раньше окажемся дома. Там бабкина еда, и там точно мы ничем опасным не траванемся.

– Колька постоянно нас водил к дяде Араму и угощал чебуреками. Он денег на нас не жалел, в отличие... от... - сын замолчал, и я понял, что он только что кинул огромный булыжник в мой огород.

– Мне не жалко для вас еды, ребят. Вы чего? Но покупать то, что продает эта жирная кавказская морда, я не хочу. Давайте я вам лучше по шоколадке куплю.

– Давай, - пожимает плечами Стёпа и я, видя рядом с нами магазин, быстро направляюсь к дверям. И как это обычно бывает в таких местах, здесь стоят местные барышни и обсуждают все, что попадает им на глаза.

А тут я. Шикарный, красивый... этаким столичный денди, который вдруг решил посетить это забытое место и явно не в своем уме.

– Посмотрите, девоньки, какого красивого мужчину к нам занесло, - одна женщина примерно моего возраста, судя по внешности, толкнула вторую такую же локтем в бок и сплюнула семечки.

Сразу фу. Вот терпеть не могу эту дурную привычку, от которой потом зубы, пальцы и язык одного цвета — чёрного. А еще этот запах и грязь кругом. Точно нет. Я отворачиваюсь, чтобы не смотреть на эти лица, которые без стеснения смотрят на меня и обсуждают. Обсасывают мой внешний вид.

– Молодой человек, вам жена красивая и хозяйственная нужна? - слышу голос второй и шумно вздыхаю. Чувствую себя как на смотринах. Отвратительное чувство.

– Может, и нужна, да что-то я таких здесь не наблюдаю, - отрезаю в ответ и понимаю, что нарвался. Надо было сдержаться, Андрюх. Надо было закрыть рот и просто пройти мимо. Вот теперь и расхлебывай.

– Не наблюдает он! - Рывкнули двое. - А ты глазки-то свои столичные открой да приглядишься.

– Баб Катя, это папка мой, - вдруг начал Тема, - он за мной и Степкой плиехал. Не лугайтесь, позалуста.

– Маленький мой, зайчик, - мягким голосом отвечает тетя Катя и подходит ближе. На меня не смотрит. Только на Артема, - а мама где твоя?

– Ма-ма, - заикаясь пищит пацаненок, и я слышу, как он начинает всхлипывать, а потом еще сильнее. Пока не начинает реветь так, что закладывает уши. Его мокрое лицо трется о мое и я в мгновение ока, оказываясь весь мокрый и соленый. Жалко так, что сердце схватывает. У меня за несколько лет ментовской службы шкура стала как у дикобраза. Видел такое, что лучше не вспоминать. Но как только вижу детские слезы, становится физически больно.

– Не плачь, малыш, - успокаиваю я и начинаю искать у себя хоть какой-нибудь платок. Или завалящуюся салфетку, но, как назло, ничего нет.

– Вот возьмите, - слышу со стороны мягкий и невероятно приятный женский голос. Про такой говорят, словно реченька журчит. Оборачиваюсь и вижу ее. Приятную, очень симпатичную и совершенно не вписывающуюся в этот мрачный и убогий пейзаж, девушку. Невысокого роста, с миловидными чертами лица и длинными распущенными волосами. В ее аккуратных ручках большой, мужской платок в коричневую клетку, совершенно не смотрится. Но мне все равно. Сейчас. Главное — успокоить малого. Который, как назло, не хочет успокаиваться.

– Тема, ну ты че? Ты же мужик, - приговариваю я, - а мужики не плачут.

Отец все же из меня херовый. Темка не успокаивается, а начинает все больше сотрясаться. Он красный, слезы текут ручьем, он икает и цепляется ручками за мой пиджак.

– Ма-ма! Ма-ма!

– Тише, тише, ну не реви, - приговариваю я и смотрю то Степку, который улыбается во весь рот, то на подошедшую красавицу. Мне нужна помощь. Мне явно нужна чертова помощь с этим мелюзгой.

– Дайте мне, - говорит вдруг девушка и протягивает ко мне руки, - ну... давайте же.

Я не сопротивляюсь, а наоборот, благодарю Бога за то, что он послал к этому магазину эту спасительницу. Отдаю Темку из рук в руки, а он прижавшись к девушке и обняв её за шею, тут же успокаивается.

– Ма-ма, - шепчет он и практически мгновенно засыпает. А я выдыхаю и улыбаюсь этой красоте своей самой лучшей улыбкой, какая только есть в моем арсенале. И тоже хочу, чтобы она меня обняла и я... уснул... рядом с ней? Что?

Ну да, почему нет, Проскуров? Ты же мужик. А она женщина. Красивая.

– Андрей, - протягиваю руку девушке, чтобы познакомиться и отблагодарить.

Но она лишь отворачивается от меня и смотрит на Степана, а потом быстрым и профессиональным взглядом оглядывает Тему.

– Что же вы, папаша, как детей запустили? - Хмуро произносит и контрольным выстрелом в голову валит меня на лопатки. - Похоже, без соцслужбы тут не обойтись.

Хорошие мои, позвольте порекомендовать книгу автора нашего Литмоба
Алена Амурская

Батя одного хулигана
<https://litnet.com/shrt/qQUa>

5.

– В смысле? - рывкаю я и в одно мгновение перестаю хотеть эту девушку. Вот как рукой сняло и отвело. - Что еще за соцслужбы?

– Органы опеки, - бросает мне через плечо и куда-то направляется с моим сыном. Что-то я заговариваться стал. Видимо, хорошо меня Тёмыч приручил к себе своими ладошками и вечно клюющей мою бороду мордашкой. Я оборачиваюсь и беру Степана за руку, коробка с кошельками, будь она неладна, все еще подмышкой. И выбросить бы, а жалко! Может, хозяйка ищут пропажу, а я тут разбрасываться вздумал. Поэтому прижимаю покрепче коробку и сильнее сжимаю пальцы вокруг ладошки Степы.

– Куда мы идем? - Нервно спрашивает сын, и я тяжело вздыхаю. - Ах, если бы я знал. Девушка, девушка-а-а-а-а! - Кричу я ей вслед. Она оборачивается один раз, и на ее лице я не замечаю ничего хорошего. А ведь такая красивая да ладная была. На тебе. И куда все подевалось?

– Мы идем сейчас к участковому. Оттуда можно будет вызвать соцработника из города.

– Может, не надо, - канючим мы уже вместе со Стёпкой. И понимаю, что, кажется, мы влипли по самые помидоры.

– Пожалуйста, - просит за нас двоих мой сын.

И тут девушка оборачивается и смотрит на наши жалкие во всех смыслах лица. Я передаю коробку сыну, а сам складываю руки в просящем жесте.

– Мы правда больше не будем. Простите нас, красивая девушка.

– Меня Настей зовут, - сообщает она вскользь и мне кажется, она со мной флиртует. - Вы обещаете следить за вашими детьми? Мыть, одевать, кормить, лечить, наконец...

Я смотрю на Степку и понимаю, что Настя-то на самом деле права.

Мой сын, чумазый и нечесаный, и одежда на нем какая-то старая и поношенная. Порванная к тому же. Степка не лучше. Выглядят как бездомные.

– Но... они же деревенские, что с них взять? - пожимаю плечами, пытаюсь торговаться.

– Это что такое оправдание вашего бездействия? - наседает на меня. - Сами то вы выглядите хорошо, даже очень хорошо. По меркам деревни. Или вам на ваших детей денег жалко?

О как! Надавила так надавила. Можно сказать, размазала по поверхности.

– Нет, не жалко. Тут другое, - пытаюсь оправдаться перед незнакомой девушкой и вдруг осознаю: Андрюха, блядь, а какого хрена? Она вообще кто такая, чтобы так со мной разговаривать? Я бывший мент, бля. Не позволю!

Хотя уже позволил.

Вот что с нами делает женская красота. Чувствую себя гребаным подкаблучником, который вцепился за женскую сиську и держится за нее ручками и ножками. Тьфу, отвратительно.

Хотя женскую красивую грудь просто обожаю.

А вот подкаблучников и слизняков, терпеть не могу.

– Что другое? - вдруг спрашивает она и смотрит на меня таким хитрым взглядом, словно пытается проникнуть под кожу.

– То, что это мои дети, - быстро подхожу к ней, протягиваю руки и перекладываю мелкого себе на плечо, - все остальное не вашего ума дело.

Пахнет она, конечно, обалденно. Я даже подзавис малость, хотелось поглубже вдохнуть... а потом еще и еще... и это я, кажется, не про духи.

Вот это тебя, Андрюх, занесло!

– Мужчина, что вы себе... - закончить она не успевает, я отхожу от нее и иду с Темой и Степаном дальше.

Она нагоняет и встает перед нами.

– Не пуцу! - протягивает ко мне руки, точнее, к спящему Теме. - Вы не понимаете, ребенку нужен уход и медицинский осмотр. Он бледный и явно недоедает.

– Я с этим сам как-нибудь разберусь, - обхожу стороной настырную барышню. - Отец как никак.

– Плохой из вас отец, раз вы не заметили, что оба ваших сына больны.

– Чего? - Возмущенно поворачиваюсь и ястребом смотрю на эту... ну блин, красotka же. Глаза можно сломать.

– Я вам как врач говорю, ваших сыновей нужно срочно обследовать.

– Вы что врач? - удивленно смотрю на эту худенькую маленькую женщину и не верю ни единому ее слову.

– Детский врач, педиатр. Работаю в клинической детской больнице, в городе.

– Вы сейчас серьезно? В клинической вы говорите? - удивляюсь тому, что говорит это Настасья. Я ведь работаю с этой больницей, мои ребята несут там охранную службу. Сколько раз там был, встречался с главврачом, а эту девчушку, которая величает себя педиатром, ни разу не видел.

– Именно. А что не так? - Хмурится и с удивлением смотрит на меня. Чуть улыбается, наверняка не может устоять перед моим обаянием, и на щеках у нее появляются милые ямочки.

– Ничего. Просто я знаю, про какую больницу вы говорите. Значит, завтра же, прямо с утра я приведу обоих пацанов к вам. В каком вы кабинете работаете?

– У меня сейчас отпуск, но я могу дать вам контакты моей коллеги. Она тоже очень хороший врач. Поэтому я и шла к участковому, чтобы позвонить Оле. Мой телефон просто сломался, а у брата есть телефон в участке.

– Участковый ваш брат? - Удивляюсь так, что аж подпрыгиваю. - Все интереснее и интереснее.

– Ну да, - непонимающе смотрит на меня, - Константин Петров - мой старший брат.

– Твою мать, а! - Кричу я так громко, что Тема просыпается и начинает хныкать. - Ой, прости, малыш.

– Ну, папаша, вы даете! - Слышу за спиной знакомый голос и оборачиваюсь. На крыльце одноэтажного кирпичного дома, именуемого участком, стоит невысокого роста с большим животом и лысиной Костик Петров. Мой одноклассник и друбан. И тут я словно громом пораженный, понимаю одно: Настенька эта та самая мелкая сестричка моего друга, которая постоянно увязывалась за нами, куда бы ни шли. А когда я вернулся из армии, первую, кого поцеловал взасос, была Настя Петрова.

♥#

Дальше визуал Насти Петровой!

Листайте!

Визуализация 2

Итак, мои дорогие, вот кто наша Темная лошадка!
Настенька Петрова, 30 лет, не замужем.
Работает педиатром в клинической детской больнице.

Хорошие мои, смотрите, что я вам принесла!

Еще одна новинка нашего Литмоба

Отдам папу в хорошие руки

<https://litnet.com/shrt/1mcY>

6.

– Не может быть, Костян, ты! - Ухмыляясь, я подхожу к здоровому мужику, в котором бы не в жизнь не узнал того худощаго и прыщавого парнишку.

В общем-то, мы оба были одинаковой комплекции. После армии я вернулся в деревню, а Костик, насколько я помню, остался еще служить по контракту. Потом наши пути-дорожки разошлись.

Я осторожно передаю Тёму Насте, и в этот самый момент, Костик, широко ухмыляясь, до боли хлопает меня по плечу, а потом сжимает в своих объятиях.

Блядь, мне показалось, что кости скрипнули, а ребро как будто треснуло. Я недовольно крякнул и отодвинулся. Хрустнул шейными позвонками и выдохнул. Кажется, все на месте.

Кабинет участкового пах пылью, старыми бумагами и приготовленным дошиком.

– Андрюха, старый хрыч! Неужели это твои орлы? - он с нескрываемым удивлением смотрит на Стёпку, который изучает милицейскую фуражку у него на голове, и на Тёму, который устроился на коленях у Насти и сонно клюет носом.

Презабавное зрелище.

– Мои, – кряхтя, ответил я, все еще разминая свои мышцы, которые пострадали при массажированной атаке тяжеловеса. – Не топорщись, как индюк. Сам до сих пор в шоке.

– А я помню, как ты клялся и божился, что «бабы и детишки – это не моё», – передразнил его Костик подмигивая. – А теперь глянь – целый выводок. И Настьку мою тогда, в восемнадцатом, ты тоже поцеловал с такими же словами.

– Ну... хм...

Я почувствовал, как горит шея под воротником. Украдкой глянул в сторону Насти. Она сидела на стуле, укачивая Тёму, и тихо о чем-то говорила со Степой. Мальчик, сначала насупившийся, потихоньку оттаивал, кивая в ответ на её мягкие вопросы. Кажется, она не слышала и вообще, вполне вероятно, что забыла про тот поцелуй. Если честно, вспоминать там особо нечего. Ну поцеловались разок, с кем не бывает.

– Давно это было, – буркнул я. – Водки тогда перебрали. И ты же сам подначивал: «Сделай ей сюрприз, она по тебе с пятого класса сохнет».

– Ага, а ты, такой весь из себя крутой, из армии только что вернулся и сделал. А потом как ошпаренный смылся. Она, мелкая, потом неделю не выходила из комнаты, по-моему, - потер репу и икнул, - ревела вроде.

– Врёшь, – неуверенно отреагировал, но в памяти вдруг отчётливо всплыл образ той, шестнадцатилетней Насти: смеющиеся глаза, тёмные косы и её растерянный, но вовсе не обиженный взгляд после того поцелуя. А потом я и правда уехал, потому что испугался того нахлынувшего чувства, такого острого, что его нельзя было контролировать.

Я снова усталился на неё.

Настя выросла. Из гадкого утёнка-подростка превратилась в... в вот эту. В красивую женщину с ясным, умным взглядом и твёрдым характером, у которой на щеках, когда она улыбалась Стёпе, появлялись те самые, симпатичные ямочки.

Она ловко пристроила спящего Тёму поудобнее, и её движения были такими естественными, такими бережными, что у меня в груди что-то ёкнуло.

– Так о чём это я? – Костик развёл руками, прерывая его мысли. – Ах да! Значит, Настька моя тебя, такого грозного, на месте преступления и повязала? Детей запустил, борода тебе дороже сыновей? Ну, Андрюха...

– Да не запустил я их! – взорвался я, но без былой уверенности. – Они просто... с бабкой и дедом живут. Свободно. А городские, они всегда чистенькие, как с картинки. Понимаешь, - я отвел его в сторону, чтобы Настя не слышала, - я про Степана узнал пару дней назад. А Тёмыч

вообще мне неродной. Машка обоих бросила и умотала куда-то с очередным любовником. Ну а мне что делать? Тесть с тещей вообще никакие. Больные и старые. Детей запустили. Степка вон, воровать начал. Я вытряхнул из коробки украденные кошельки. Пробей их по базе. Может, кто заяву писал на поиск?

– Хм... вот это улов! Нормальный. Посмотрю, проверю, только...

В этот момент Степан громко рассмеялся в ответ на что-то сказанное Настей. Звук был таким искренним, таким редким в последнее время, что я замолчал и повернулся. Посмотрел на сына, который ожил на глазах, и на красивую девушку, которая одним своим присутствием перевернула всё с ног на голову.

– Слушай, Костян, – я наклонился к другу, понизив голос. – Я всё понял. Исправлюсь. Только уговори её, пусть не поднимает на уши соцслужбы. Я завтра же, честно, в больницу. Куплю им всё, что надо. Одежду, обувь, эти все... витамины. Прививки. Сделаю, все, что нужно и как нужно.

Костян скептически хмыкнул, глядя на меня, и покачал головой.

– Она меня не слушает. Она тут главный следователь, – улыбнулся и положил руку мне на плечо, – кажется, тебе придется самому разгрести этот сыр-бор. Но, – замолчал на мгновение, – я помогу тебе разобраться с кошельками и замять это дело.

– Понял.

Я обернулся к Насте и понял, что она внимательно смотрит на меня. Изучает. В её взгляде уже нет прежней строгости. Сквозь неё пробивалось любопытство, какая-то тёплая усмешка и... интерес?

От этого пристального взгляда стало не по себе, и я кашлянул. Сделал шаг в её сторону и остановился.

И вдруг мне дико захотелось вдохнуть её запах, не духи, а – свежий, какой-то домашний. Зарыться в её волосы и вспомнить то ощущение от горячего поцелуя, несколько лет назад. Вернуться в прошлое, когда я был счастлив и ни о чем не думал.

От этих мыслей у меня засосало под ложечкой, и я сглотнул. А потом поймал себя на мысли, что ощущаю себя сейчас как нашкодивший мальчишка. Нехорошо.

– Настя, – начал я, и голос вдруг подвёл, сорвавшись на хрип. Я сглотнул. – Давай я... я их завтра к тебе привезу. Куда скажешь. Ты сама посмотришь. Я, правда... я всё сделаю.

– Я сейчас живу все там же, – улыбнулась Настя, – в том самом доме, у которого ты меня поцеловал. Помнишь?

Хорошие мои, еще одна книга нашего Литмоба
 Папа: миссия (не)выполнима
<https://litnet.com/shrt/ltzT>

7.

Прежде чем мне ответить, помню ли я, где целовал Настасью, ко мне подбегает маленький Тёма.

Хватает меня за штанину и смотрит в глаза. А потом тянет ко мне ручки.

– Чего ты хочешь, Тем? - непонимающе смотрю на встревоженное личико пацаненка.

– Он хочет на руки, - говорит Настя, что тут непонятного. - Возьми его, Андрей.

Я поднимаю мальчишку, и он тут же прижимается к моему плечу. Обнимает за шею и начинает шептать что-то на ухо. Наверняка мое выражение лица тут же меняется, потому что я ошарашенно хлопаю глазами, не понимая, что делать с той информацией, которую до меня только что донесли.

– Что случилось, Андрюх? - смотрит на меня Костик, и я вижу, что, кажется, он тоже испугался.

– Эмм... даже не знаю, можно ли произносить вслух такое... при дамах.

– Можно, - отвечает Настя и поднимается с дивана, - я педиатр и слышала от детей многое. Так что, говори, не стесняйся.

– Тёма покакал и, похоже, нам нужен новый подгузник.

– Покакал?! - Нервно произносит Костик, и он начинает идти пятнами. - Здесь? Но... у меня тут ничего не оборудовано для...

– Какания? - одновременно спросили с Настей и улыбнулись.

– Да, - обиженно произнес Костик, - здесь полицейский участок, а не комната матери и ребенка.

– Да, ладно, че ты, Костян, - ухмыляюсь я и пересаживаю Тему на другую руку, - что естественно, то не безобразно.

– Правильно, будто ты не какал, - смеется Настенька, и ее смех, словно звонкий ручей в лесу. Я непроизвольно улыбаюсь и не могу оторвать взгляд от этой безумно красивой женщины. Интересно, у нее есть кто-нибудь?

Так стопе, Андрюх! У тебя вроде девушка есть, и вы уже три месяца встречаетесь. Блин, вот это попадос! Кажется, я реально забыл про Розу.

– Андрей! Андре-е-е-ей! - слышу голос Насти и вынырываю из своих дум.

– Что?

– У тебя подгузник чистый есть?

– У меня? Хм... а зачем мне подгузники? - Посмеиваюсь, не понимая в чем прикол.

– Тема обкакался, а это значит, нам нужно помыть ему попу, намазать ее кремом и надеть свежий подгузник. Ты чего?

– Да, пап, - ухмыляется Степа, вдруг неоткуда взявшийся и складывает руки на груди, - ты что, с неба свалился?

– У меня нет подгузника, - говорю тихо. Дышу глубоко, только бы не впасть в отчаяние и не словить панику. - Насть, выручай, а.

Она закатывает глаза, подходит ко мне и забирает у меня Тему.

– Стёп, возьми мою сумку и следуй за мной. Операция по спасению попы от какашек началась.

– А почему я? - Жалуется мой Степка и смотрит на меня, теперь уже сердито. - У нас Теме, обычно бабушка жопу моет.

– А мама? - спрашивает Настя и замирает. Осторожно смотрит на маленького Тему, но тот занят сережками девушки и совершенно не обращает внимания на то, что она говорит.

– Мама уехала и бросила нас, - серьезно говорит Степа и вздыхает, - но за нами приехал отец и радуется то, что нас не отправят в детдом. Хотя могли бы.

Настя смотрит на меня и закусывает губу. Кажется, она теперь все знает и больше нет смысла что-то придумывать, исказить, выворачивается.

Я смотрю на нее и понимаю одно, жаль, что тогда, после того самого поцелуя, я уехал. Надо было остаться, надо было поговорить и объясниться с девушкой. Похоже, что я разбил ей сердце. Но я ведь ничего не обещал. Это был просто невинный поцелуй. Похоже, он был невинный только для меня.

Настя с ребятами выходят, а мы с Костиком остаемся.

– Может, покурим? - предлагает старый друг, и я киваю. Соглашаюсь.

– Покурим. Только я не курю.

– Ничего страшного. Я тоже, - ухмыляется мой друг, и мы выходим из кабинета.

Стоим на улице и молчим. Слова не складываются. Кажется, инцидент с кашками сильно нас встряхнул.
– У твоей сестры есть кто-нибудь? - выдаю я и сам от себя в ахуе.

– Забудь, - рычит Костик.

– Почему это?

– Хватит одного раза, чтобы накосячить. У тебя был шанс, и ты его проебал. Так что теперь, просто забудь.

– Костян, я же просто спросил.

– А я просто ответил. Если полезешь к ней, я забуду о том, что мы когда-то дружили. Всех псов на тебя спущу.

– Так... ты только псами меня не пугай. У меня своих хватает, - оскаливаюсь я. - Сам ментом был.

– Ты был, а я до сих пор погоны ношу.

– Чего ты так взъелся-то?

– Сестра она моя, младшая. Отца у нас нет, поэтому я ее защищаю сейчас от надоедливых хахалей. Последний ее жених жестко ей нервы потрепал. Долго отходила. Любила его очень, а он изменил. Хорошо, детей нет. Ушел и забыли.

– Вот поэтому ей сейчас нужно срочно переключиться на новую любовь и залечить старые раны. Проверенный метод.

– Ты, что ли, новая любовь? - Смотрит на меня и усмехается.

– Почему бы и нет, - пожимаю плечами, - у меня работа хорошая, квартира, машина. Я ее не обижу.

– Андрюх, ты, конечно, извини, но у тебя дети.

– И... при чем тут это?

– Про таких говорят, разведенка с прицепом. Ты думаешь, Насте оно надо?

Хорошие мои, позвольте порекомендовать еще одну книгу нашего литмоба

Ищу жену или Мама, ты в розыске!

<https://litnet.com/shrt/mE4l>

8.

Костик замолчал, и его слова повисли в воздухе тяжелым, неприятным облаком. «Разведенка с прицепом».

От этой формулировки скрутило под ложечкой. Я резко дернул головой, сбрасывая оцепенение. Провел пятерней по волосам и недовольно хмыкнул. Так, меня еще не называли. Хотел вмазать Костику за эти слова. Обидные, блядь, слова.

Я даже кулак сжал так, что хрустнули костяшки. Костик это заметил, и его брови взлетели вверх. Я заметил испуг в его глазах и усмехнулся. А потом выдохнул.

– Ладно, – буркнул я, отводя взгляд. – Понял. Принял.

А затем развернулся и зашагал обратно в кабинет. Настя как раз заканчивала облачать Тёму в свежий подгузник, ловко управляясь с застежками. Степа стоял рядом, наблюдая за ловкими манипуляциями девушки, и мне показалось, что ему это даже интересно.

– Всё, спасибо, – сказал я, властно забирая Тёму у Насти. Малыш испуганно пискнул от неожиданности. – Пошли домой. Степан, за мной.

– Андрей, подожди, – мягко начала Настя вставая. – Давай я дам тебе номер...

– Не надо, – отрезал я, не глядя на неё. – Разберёмся сами. Спасибо за помощь.

Я вышел из участка, не прощаясь с Костиком. Тот так и остался стоять на крыльце, и я чувствовал его тяжёлый взгляд у себя в спине.

Дорога домой прошла в гнетущем молчании. Степа шёл, уткнувшись носом в землю, Тёма тихонько хныкал у меня на плече.

У магазина никого не было. Только у лавки с шаурмой и чебуреками стоит дядя Арам и пристально на меня смотрит.

В животе заурчало, когда до меня дошел аромат жареного теста и мяса. И я понял, что голоден. А судя по заинтересованным взглядам мальчишек, они тоже.

Неужели придется покупать эту дрянь? – осмотрелся и понял, что рядом ничего поприличней нет. Вздохнув, я переложил сонного Тёму на другое плечо и кивнул Степе.

– Идем за мной.

– Куда?

– В магаз. Будем отовариваться.

– Ур-р-р-р-ра! – Закричал Степан, и Тема открыл глаза.

– Улааааа! – Вторил ему брат, и я улыбнулся тому, насколько братья сплочены.

Мы зашли в магазин, и я понял, что это совсем не супермаркет и даже не маркет. Это скорее напоминало что-то из советского прошлого. Где на небольшом пятачке, продавалось все: начиная от семейных трусов и заканчивая трехлитровыми банками с солеными огурцами.

Вот и здесь было так же.

– Так, Степан, найди корзинку. Да побыстрее.

Я посмотрел по сторонам, в поисках продавщицы, но никого не нашел. А когда обернулся, чтобы что-то сказать сыну, увидел, что он стоит у одного из прилавков и смотрит на пластмассовых роботов. Я уже хотел сказать ему, что куплю его. Как увидел такое, что у меня отпала челюсть.

Черный робот с красными деталями незаметно опустился в карман моего сына... да там и остался.

Вероятно, воздух в моих легких закончился, потому что я реально забыл, как дышать.

Степа повернулся ко мне, а я сделал вид, что выбираю подгузники Теме. Если честно, я вот совсем ничего не понимал в этом. Какие-то буквы, цифры, капельки.

– Гребаный Экибастуз, – выругался я и почесал репу. – Степ, иди помогай.

– Бегу! – радостно крикнул Степан и подбежал ко мне с корзиной.

– Нам нужна упаковка памперсов. Помогай, сын.

– Тетя Катя иногда приносит нам подгузники. Да и мама, перед тем как уехать, купила пару пачек. Она брала самые большие, вот такие, - он показал рукой на одну упаковку, на упаковке которой стояли буквы XXL и, похоже, было на то, что они действительно большие.

– Ок. Берем эти, но Тем, - посмотрел на пацаненка, - ты уже большой мальчик, пора и в горшок ходить.

– Голшок ходить.

Обнял своими маленькими ручками за шею и уткнулся мне в бородатую щеку. Ну и как можно злиться на этого симпатягу?

Я не знаю.

– Он так-то днем всегда в горшок ходит, - сказал Степа, - это просто ночью еще писается в кровать. А утром забыли, видимо, снять, и он не попросил.

– А почему Тема писается в кровать?

– Раньше он спал с мамой, пока она не уехала. А теперь с игрушкой и, кажется, ему страшно.

Ну, пиздец! Маша-а-а-а! Чтоб тебе икалось сейчас. Оставить ребенка и уехать. Нет, кажется, я никогда такого не пойму.

– Ладно, понятно все, - я положил две пачки в корзину, а потом посмотрел на сына. Пристально. Внимательно. Не отрываясь.

– Что? - Непонимающе взглянул на меня сын и отвел глаза. - Что смотришь?

– Ты сейчас возвращаешься к стойке с игрушками. Достоешь из кармана робота иставишь его на место.

– Какого еще робота? - пошел в отказ сын.

Я сделал шаг к нему и строго посмотрел.

– Хочешь, чтобы я тебя обыскал? Уверен, что выдержишь подобное? - прошипел я яростно и увидел в глазах сына страх.

– Не хочу, - пропищал Степа.

– Правильно. Иди!

Сын поставил игрушку на полку и, опустив глаза, побрел в мою сторону.

– Степан... ты... - слова не находились, кроме матных и я решил отпустить ненадолго эту ситуацию. - Дома поговорим.

Мы побродили еще по магазину. Купили целую сумку продуктов, ну и так по мелочи. Одежды и обуви здесь не было. Поэтому я решил, что все остальное куплю уже в городе.

Когда мы пришли домой, тещи и тестя не было. Куда они делись, я понятия не имел. Плюнув на их отсутствие, я поставил сумки с продуктами на стол и быстро начал готовить мальчишкам обед.

Как это делается, я не представлял.

Обычно питаюсь на скорую руку и заказывая еду на заказ, я стоял и смотрел на выложенные продукты и не знал, что с этим совсем делать?

Так, у меня были пельмени, бомж-пакеты, колбаса, сыр и хлеб. А еще майонез и молоко с печеньем. Вроде нормальный продуктовый набор, чтобы накормить двух растущих мальчишек.

Не хватало только женской руки и смекалки.

Поэтому я достал телефон и набрал своей все еще девушке — Розе. Она работала администратором в дорогом ресторане, а это значит, должна была хорошо готовить. Правильно? Правильно.

– Розочка, дорогая, мне нужна твоя помощь.

– Да, милый, - услышал слащавый голос своей девушки и не понял, где она находится. Должна была бы вроде быть на работе, - я по тебе соскучилась, зай. Приезжай быстрее, я вся горю.

В паху все заныло, когда я представил, что моя красавица лежит в моей постели в одних чулочках. И мысли о пельменях сразу же испарились.

– Я пока в деревне и не могу, - грустно ответил, ощутив себя паршивее некуда.

– Ааа, - уныло ответила и шумно зевнула. - Тогда пока.

Она сбросила звонок, оставив меня стоять с открытым ртом и эрегированным членом.

– Чё, бля?..

Хорошие мои, еще одна новинка нашего Папского Литмоба

Папа для мамонтёнка

<https://litnet.com/shrt/dXL6>

9.

Стоя на кухне с телефоном в руке, я несколько секунд просто не мог поверить, что Роза бросила трубку. Ну и стерва! Мой член еще налит кровью, а в ушах звенит от ее пренебрежительного «ааа» и сука бесит.

Я швырнул телефон на диван и недовольно зарычал. А потом понял, что дети сидят за столом и смотрели на меня голодными, полными надежды глазами.

Черт. Дети. Мои дети.

– А, мы есть-то будем? – робкий голос Степы вернул меня к реальности. - Или...

– Без или, - недовольно проворчал я, - сейчас все будет. Подожди, сын. Нужно сообразить, чё почём, хоккей с мячом.

Я посмотрел на продукты и с новой яростью набросился на пакет с пельменями.

Через двадцать минут, залитые водой и слепленные в один ком, они булькали в кастрюле. Я вывалил их на тарелки, сверху натянул майонез, сунул в руки детям по куску хлеба и поставил перед ними.

– Кушайте, не обляпайтесь.

Они ели молча, с жадностью, и мне стало стыдно. Я отвернулся, сгреб в охапку грязную одежду и понес в стирку. Потом убрал со стола, помыл посуду, уложил Тёму, который клевал носом уже в тарелке.

Степа помогал молча, послушно, но я видел, как он украдкой смотрит на меня – ждет, когда я заведу разговор о воровстве.

Но сейчас у меня в голове крутилось другое. Документы. Надо найти свидетельства о рождении детей.

Когда в доме, наконец, воцарилась тишина, я заперся в маленькой комнате, что когда-то была нашей с Машей. И осмотрелся. Вещи, казалось, были нетронутыми с тех самых пор, как мы расстались. Как будто здесь не жили все это время.

– Так, ну что, начнем.

Внутри меня словно что-то щелкнуло и включилась милицейская чуйка. Я не видел и не слышал ничего, кроме того, что было важным. Мне нужно было найти документы, и я землю буду рыть, но найду их.

Начал я со старого комода.

Вываливал содержимое картонных коробок, сметал пыль с папок. Сердце бешено колотилось, когда наконец, в самом низу, под стопкой старых фотографий, я нашел два жёлто-зелёных листа А4 в прозрачных файлах.

Свидетельства о рождении.

Я открыл первое.

Степан Андреевич Проскуров

Графа «Отец» – «Проскуров Андрей Игнатьевич».

Я выдохнул. Все в порядке.

Потом открыл второе.

Артем Андреевич Проскуров

Пробежал глазами по строчкам. Имя, дата, место рождения...

Графа «Мать» – Проскурова Мария Анатольевна

Графа «Отец» – «Проскуров Андрей Игнатьевич».

Я сидел на полу, среди хлама и пыли, и смотрел на эту пустоту. Она была громче любого крика. Тёма. Малыш, который обнимал меня за шею, который уткнулся в меня своей «клюющей мордашкой», официально считался моим сыном. Только это было не так.

Вот только как это объяснишь маленькому мальчику, который уже считает тебя отцом.

И тут в тишине раздался скрип половицы. Я поднял голову. В дверях стоял Степа. Он не спал. Его лицо было бледным и испуганным.

– Пап? – тихо сказал он и всхлипнул. – А Тёма... он теперь... в детдом поедет, да?

Я смотрел на него, на этого мальчика, который в магазине сунул в карман игрушку, потому что, наверное, просто не верил, что я ему ее куплю. Который боялся детдома. Который сейчас пытался спасти своего брата.

– Нет, сынок, – тихо сказал я, поднимаясь с пола. – Тема не поедет в детдом. Мы этого не допустим. Обещаю.

– Спасибо, – Степа подошел ко мне и уткнулся мне в живот. Обнял маленькими ручками и захныкал. – Я скучаю... по маме.
Завывал он, даже не стараясь успокоиться.

– Я знаю, сынок. Но нужно потерпеть. Немного потерпеть, – посмотрел ему в глаза и погладил по голове, – потом станет полегче. А сейчас давай-ка в постель.

Я уложил сына спать и укрыл одеялом. Поцеловал в мокрую от слез щеку и улыбнулся.

– Все будет хорошо. Нос по ветру, все вместе мы обязательно справимся.

– Правда?

– Честное полицейское, – подмигнул сыну и пошел к выходу из комнаты. Посмотрел на спящего Тему и вздохнул.

Бедный малыш. Мать сбежала, отцом Темы официально считался я. И теперь передо мной возникал вопрос: что с этим совсем делать?

Вернувшись в нашу бывшую с Машкой комнату, я аккуратно сложил свидетельства обратно в папки, положил их на самое видное место на комод. Завтра. Завтра с утра всё начнётся по-новому. А пока...

Я набрал по телефону своему старшему юристу и объяснил им всю ситуацию с Темой.

– Марат, и че мне делать дальше?

– Задача на миллион долларов, Андрей Игнатьевич, – начал он, и в его голосе я услышал что-то неприятно напоминающее голос Костика. – Ситуация парадоксальная. С точки зрения закона, вы отец обоих детей. Вписаны в оба свидетельства. Это значит, что вы несете полную ответственность за Артема – алименты, содержание, воспитание. И, соответственно, имеете все родительские права.

– Но он не мой! – прошипел я, сжимая телефон в руке. – Понимаешь? Не мой! Маша вписала меня, даже не спросив!

– Не имеет значения, – холодно парировал юрист. – Вы не оспорили отцовство в установленный законом срок. Сейчас, после того как вы фактически приняли ребенка, проживаете с ним, заботитесь о нем, любой суд сочтет вас фактическим отцом, даже если генетическая экспертиза покажет обратное. Вы взяли на себя ответственность.

От этих слов у меня перехватило дыхание.

Получалось, меня вписали в отцы без моего ведома, а теперь я еще и не могу от этого отказаться?

– То есть... что? Я теперь пожизненно пригвожден к этому ребенку?

– Если кратко – да. Если мать лишат родительских прав за оставление, вся полнота ответственности ляжет на вас. За обоих детей. Отказ от отцовства в такой ситуации – практически невозможен, это будет расценено как уклонение от обязанностей. Со всеми вытекающими – вплоть до уголовной статьи.

Я молчал, пытаясь переварить этот информационный удар под дых.

– Ты мне лучше скажи, что делать дальше?

– Во-первых, установить местонахождение Марии Анатольевны и официально уведомить ее о намерении взыскать с нее алименты. Во-вторых, подготовить документы для лишения ее родительских прав, если она не объявится. В-третьих, легализовать свое положение как отца-одиночки, оформить все возможные пособия. И в-четвертых... – он сделал многозначительную

паузу, – срочно навести порядок в бытовых условиях проживания детей. Если органы опеки, получив сигнал, придут с проверкой и увидят ту же картину, что и сегодня, они могут инициировать процедуру изъятия обоих детей, несмотря на ваши юридические права. Как отца, не справляющегося со своими обязанностями.

В трубке повисло молчание.

Я сидел, глядя в стену, и понимал всю глубину ловушки, в которую угодил. Меня не просто вписали в отцы. Меня приковали к этому ребенку законом, чувством долга и страхом его потерять. Да еще и потерять вместе с ним Степу.

– Понял, – с трудом выдохнул я. – Спасибо.

Два свидетельства о рождении лежали передо мной. Два документа, которые теперь навсегда связывали меня с двумя мальчиками. Одного – кровью. Другого – законом, обманом и... чьим-то детским доверием.

– Не за что, Андрей Игнатьевич. Я могу чем-нибудь еще помочь?

– Думаю да, - я выдохнул и продолжил, - мне нужно, чтобы ты...

Еще одна новинка нашего Литмоба

Ляля ищет маму

<https://litnet.com/shrt/eO3x>

10.

– Думаю да, - я выдохнул и продолжил, - мне нужно, чтобы ты... начал процесс подготовки документов. Составь план и начинай работу. Я завтра постараюсь быть на работе.

– Понял тебя, Андрей Игнатьевич. Тогда до связи.

– До связи.

Я отключил телефон и набрал своему лучшему другу Вардану Соколовичу. Он был старше меня лет на десять, но несмотря на это мы прекрасно ладили.

Трубку он взял сразу, и я услышал, как он включил ее на громкую связь.

– Здорово Андрюх, ну ты че, как сам?

– Это пиздец, Вардан. Это, мать вашу, полный пиздец, - выругался я как можно тише, но не уверен, что это получилось.

– Рассказывай.

В общих чертах я рассказал все, что случилось сегодня за день, и замолчал.

– Мне нужна твоя помощь. Я реально не вывожу.

– Так, вначале выдыхай. У меня, у самого дочь, десяти лет, постарше, конечно, твоего будет, но я понимаю, о чем речь. Сейчас тебе главное, перевести детей в город. Юрист, я так понимаю, уже занимается документами, осталось нанять няню и все. Чего ты кипишуешь?

– Я в деревне, где нет ничего. Как я буду детей перевозить? У меня даже автокресел нет.

– Ты бывший мент, Андрюх. Ну, позвони ты уже кому надо. Пусть тебя прикроют. Ну или одолжи у кого-нибудь в деревне. Вдруг найдется.

– В деревне? Автокресло? Ты сейчас шутишь, да?

– Вообще нет. Никогда не знаешь, что окажется в загашнике соседа? - ухмыльнулся Вардан, - Кстати, я тут на днях встретил свою бывшую соседку, которая была влюблена в меня в молодости.

– Хм... кто? Подожди, подожди, ты, кажется, что-то рассказывал про одну рыженькую.

– Да-да. Именно. Варвара Яхонтова. Мы с ней окажется, такие вещи мутили. Ну это явно не телефонный разговор. В город вернешься, я тебе все подробно расскажу.

***(История Варвары Яхонтовой и Вардана Соколовича можно найти в моей книге "Измена. Бывшая любовь мужа" <https://litnet.com/shrt/C2TY>)**

– Вардан, ты мне тут напомнил кое о ком. Оказывается, я тоже наследил немного. После армии случайно поцеловал одну девушку, и она оказывается, потом страдала из-за меня. А сейчас я встретил ее и до сих пор не могу забыть ее голос, запах, смех.

– Ооо, кажется, мы с тобой оба попали в эти сети любви. Осторожно брат, после таких вот встреч, дети рождаются.

– Нет! Хорош. Мне уже хватит. С этими бы двумя разобраться, - улыбнулся и посмотрел в окно. Смеркалось, а теща с тестем так и не появились. Я вдруг вспомнил о том, что завтра надо съездить на кладбище и положить цветы родителям на могилу. А сегодня... дойти до одной барышни, которую кажется, нехотя словом обидел... а быть может, действием, несколько лет назад.

Попрощавшись с другом и пообещав отзвониться, как только я приеду в город, положил трубку. Накинул на рубашку куртку и вышел из комнаты. В этот момент, в дверь вошли мои бывшие родственники с двумя корзинами грибов. Они еле держались на ногах, и я сразу же усадил их обоих на диван. Принес обоим по стакану с водой.

– Что случилось? ВЫ где пропадали целый день?

– Заблудились, - дрожащим голосом ответила Катерина Михайловна и заплакала.

– Где? В лесу? Да тут все исхожено? Как вы умудрились?

– Мы решили чуть дальше пойти. Грибов-то здесь нет, ну мы и свернули не там, где нужно. А потом все. Заблудились. Никак не могли дорогу найти. Думали, уже будем в лесу ночевать.

– Петрович, ты чего не позвонил мне? Мы бы отряд сообразили.

– Телефон разрядился, - хмыкнул уставший Петрович, - а у бабки его и вовсе нет.

– Ясно, а в итоге, как из лесу-то вышли? - Вздохнув, спросил я.

– Настенька Петрова нашла нас. Она вроде как там была со своим хахалем.

– У нее же нет никого. Мне Костян сказал, - напряженно среагировал. И мне не понравилась моя собственная реакция на эту новость.

– Ну, может, и не хахаль. В общем, она гуляла по лесу и услышала, как мы зовем на помощь. А потом они вдвоем нас и вывели. Практически до дому довели.

– Настенька значит. По-моему, это повод, чтобы поблагодарить девушку, - кашлянул я и пошел к дверям. - Степа с Темой спят, они поели. Если тоже хотите есть, там пельмени сваренные. Хотя не уверен, что они съедобные.

– Я же похлебку варила. В холодильнике стоит. Что ж ты ребятенков-то не накормил?

– Не видел никакой похлебки, - недовольно ответил и пожал плечами. А еще подумал о том, что вообще в холодильник не заглядывал. А надо было бы.

Я вышел из дома и посмотрел по сторонам. Редкие фонари зажигались на улице. Было прохладно, и я понял, что хорошо, что накинул курточку.

Итак, дом Насти Петровой был на другом конце деревни, и если она только сейчас довела тестя и тещу, значит, она недалеко. Можно ее выпепить и довезти до ее дома. Поэтому я запрыгнул в свою тачку, развернулся и медленно поехал по дороге. Через три минуты я и правда увидел девушку, жутко напоминающую Настю, и рядом с ней кто-то и правда шел. Внутри меня закипела какая-то необоснованная злость, и я попытался включить голову, а эмоции выключить.

Остановившись в нескольких метрах от парочки, я вышел и встал у них на пути. Настя сначала меня не узнала, а когда вдруг поняла кто перед ней, остановилась.

– Андрей, ты что здесь делаешь?

– Нам нужно поговорить, - посмотрел ей в глаза, а потом на ее спутника. Хлюпик какой-то. Усы эти, очки нелепые и челочка, приглаженная набок. Мда-а-а.

– Я сейчас не могу. Может быть, завтра.

– Сегодня, - настаивал я, - а вообще, давай я тебя подвезу? Холодно уже.

– Хм, а давай, - улыбнулась девушка, - только я не одна, мы вместе с Васенькой. Хорошо?

Хорошие мои, еще одна новинка нашего литмоба!

Ищу жену. Срочно!

<https://litnet.com/shrt/B2Mu>

11.

Я сглотнул ком в горле и кивнул, стараясь не смотреть на этого Васеньку. Внутри меня боролись эмоции. С одной стороны, хотелось оказаться на месте этого Васеньки и узнать, о чем они сейчас говорили, с другой - хотелось так ему влепить по физиономии, чтобы очки слетели, и он больше не ходил по темным улицам с Настасьей.

Так, Андрюха, вырубай эмоции. Хватит уже!

После этого я выдохнул и улыбнулся самой добродушной своей улыбкой.

– Садитесь, – буркнул я, открывая заднюю дверь.

Настя устроилась на пассажирском сиденье, а «Вася» с неловкой улыбкой втиснулся сзади. Машина наполнилась густым, сладковатым мужским парфюмом, от которого запершило в горле. То ли Тройной одеколон, то ли Шипр. Нет, не угадаю, эти советские мужские одеколоны остались в моем прошлом. У моего отца была Красная Москва, и он наносил его только по праздникам.

Я резко тронулся с места и посмотрел в зеркало заднего вида.

– А вы где Василий работаете, если не секрет? – спросил я, глядя на его прилизанную челку.

– В местной школе преподаю историю и обществознание, – ответил он голосом, который, мне показалось, он специально сделал глубже и серьезнее. Получилось не очень.

– Понятно, – я свернул на улицу, где стоял дом Петровых. – А Настя вам рассказывала, как мы с Костиком в школе историю учили?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.